

Александр Восьмой

**Книга 3. «Десять
огней на краю
Вселенной»**

18+

Александр Восьмой

**Книга 3. «Десять огней
на краю Вселенной»**

«Автор»

2026

Восьмой А.

Книга 3. «Десять огней на краю Вселенной» / А. Восьмой —
«Автор», 2026

Скорость света. В Космосе нет веса, но есть масса, у 10 ракет в 10 раз больше скорость, чем у одной ракеты. Предел скорости становится вратами: там, где пространство истончается, а время течёт иначе, десять ракет должны стать единым светом. Враги, преследующие героев, раскрывают свою истинную цель — не остановить полёт, а украсть саму формулу умножения скорости. Финальная схватка разворачивается среди искривлённых звёздных дорог: здесь масса превращается в щит, а скорость — в клинок. Победа возможна лишь тогда, когда герои осознают: истинная сила — не в умножении скорости, а в единстве тех, кто решился лететь.

Александр Восьмой

Книга 3. «Десять огней на краю Вселенной»

Глава 1. Тишина, в которой рождается скорость

В мире, где звёзды ещё не умели двигаться, время застыло, как лёд на мёртвом озере, а небо казалось тяжёлым, будто сшитым из свинцовых лоскутов. Здесь никто не верил, что можно бежать быстрее света — ведь сама мысль об этом нарушала неписанные законы вселенной.

Кэл, мальчик с глазами, полными упрямства, сидел на краю обрыва у руин старой пусковой площадки. Ветер трепал его потрёпанную куртку, а пальцы скользили по шершавой поверхности осколка упавшей ракеты. На металле мерцали буквы — не просто знаки, а будто живые искры, готовые сорваться в полёт. Формула умножения скорости. Та самая, которую все считали детской сказкой, нелепым бредом мечтателей.

«У десяти ракет в десять раз больше скорость, чем у одной», — шептал Кэл, словно пробуя слова на вкус, будто они могли стать топливом для невозможного. Он не понимал, почему эта строчка жжёт пальцы, почему от неё по коже бегут мурашки, будто космос шептал ему: «Ещё рано... ещё не время...»

Но время уже наступало на пятки.

Из тени руин выступила фигура в плаще с капюшоном — старый механик, который знал слишком много и говорил слишком мало.

— Ты читаешь то, что нельзя читать, — прохрипел он, глядя куда-то сквозь мальчика, будто видел не Кэла, а грядущую бурю. — Эта формула не про скорость. Она про врата. Там, где пространство истончается, а время течёт иначе, любая ошибка станет концом.

Кэл сжал осколок крепче. Металл отозвался тихим звоном, словно согласился с ним.

— А если я не хочу, чтобы это было концом? — спросил мальчик, поднимая взгляд к небу, где первые звёзды уже начинали подрагивать, будто пробуждаясь от векового сна.

Механик усмехнулся без веселья:

— Тогда тебе придётся собрать тех, кто не боится сгореть в собственном свете. Десять ракет. Десять сердец. И одну общую цель. Потому что враги уже идут. Им не нужно останавливать полёт — им нужна сама формула.

Тишина вокруг дрогнула, будто услышала эти слова. Где-то далеко, за пределами видимого неба, что-то щёлкнуло — как будто открылась дверь, которую нельзя закрыть.

И в этот миг Кэл понял: тишина больше не хранила покой. Она хранила скорость. И теперь она рвалась на свободу.

Глава 2. Ракета, которая не хотела лететь одна

Первая ракета стояла на стартовой площадке, будто выросла в камень. Её бока потемнели от веков, швы покрылись инеем, а двигатели молчали так долго, что даже ветер боялся потревожить эту тишину. Она казалась не кораблём, а надгробием — тяжёлым, угрюмым, обречённым остаться на земле.

Кэл провёл ладонью по её борту, чувствуя, как холод металла проникает под кожу.

— Ты не тяжёлая, — шептал он, будто уговаривая не камень и сталь, а живое существо. — В космосе нет веса. Есть только масса. А масса — это щит. Ты сможешь держать удар.

Ракета не отвечала. Но в её молчании Кэл слышал то, что другие не замечали, — тихий стон металла, жажду полёта, спрятанную под слоями ржавчины и забвения.

Старый механик, стоявший в стороне, хмыкнул:

— Она слишком стара. Её масса станет якорем, а не щитом. Один рывок — и она сгорит в верхних слоях, даже не увидев звёзд.

Но Кэл не слушал. Он знал формулу. Знал, что одна ракета летит медленно, её скорость одинока и хрупка, как пламя на ветру. Но если собрать десять — если заставить их лететь вместе, в едином ритме, — скорость умножится. Десять ракет станут единым светом.

Он закрыл глаза и представил эту картину: десять огней, рассекающих тьму, связанных не тросами, а общей волей. И в этом видении старая ракета не была обузой. Она была началом.

— Мы не просим тебя быть быстрой, — прошептал Кэл, прижимая ладонь к холодному металлу. — Мы просим тебя быть первой.

Словно услышав эти слова, ракета вздрогнула. Где-то внутри щёлкнули реле, загудели старые насосы, и из сопел вырвались первые клубы пара — не дым, а дыхание, пробуждающееся после долгого сна.

Механик шагнул вперёд, в глазах мелькнуло удивление:

— Если она взлетит... если ты прав насчёт формулы... тогда за тобой придут. Те, кто хочет украсть не корабли, а саму возможность лететь быстрее света.

Кэл кивнул, не отрывая взгляда от ракеты:

— Пусть приходят. Пусть попробуют остановить десять огней.

Рев двигателей ударил по ушам, заглушая все сомнения. Пламя лизнуло бетон, небо потемнело от дыма, а потом — в один миг — ракета оторвалась от земли. Она поднималась тяжело, упрямо, будто каждый метр давался ей ценой веков ожидания.

И когда она исчезла в синеве, оставив за собой лишь светящийся след, Кэл понял: первая искра зажжена. Теперь оставалось найти остальные девять. И надеяться, что их единство окажется сильнее тех, кто жаждет украсть саму скорость мира.

Глава 3. Дорога, которой нет на картах

Они вышли за край известного пространства — туда, где привычные созвездия теряли имена, а линии маршрутов рассыпались, словно нарисованные мелом на ветру. Здесь звёздные дороги изгибались, как нити в ткацком станке: одни тянулись туго, другие провисали, будто устав от собственной тяжести. Время здесь дышало — то мчалось вперёд, обгоняя бие-ние сердца, то замирало, растягивая миг в вечность.

Кэл смотрел в иллюминатор, и ему казалось, что космос не просто меняется — он прислушивается. Каждый поворот, каждый манёвр отзывался в груди странным эхом, будто пространство запоминало их путь.

Рядом стояла Лира — навигатор, которая видела не координаты, а намерения звёзд. Её пальцы скользили по голографической карте, и линии под ними вспыхивали не расчётами, а предчувствиями.

— Здесь нельзя лететь по прямой, — прошептала она, не отрывая взгляда от мерцающих изгибов. — Пространство само выбирает, кого пустить дальше. Оно проверяет: ты хочешь просто добраться — или готов стать частью дороги?

Старый механик, сидевший у панели управления, хмыкнул:

— Пространство не философ. Оно просто ломает того, кто не поймёт его правил. В этих местах масса — не груз, а якорь. А скорость — не преимущество, а риск: слишком быстро — и тебя размажет по складкам времени.

Кэл вспомнил формулу: «У десяти ракет в десять раз больше скорость». Но здесь эта логика спотыкалась. В этом искажённом краю умножение могло стать проклятием: десять огней, летящих слишком быстро, могли не осветить путь, а разорвать его.

Внезапно корабль дёрнулся. За иллюминатором звёзды вытянулись в тонкие линии, а потом вдруг замерли, как будто кто-то остановил плёнку. Время снова сменило ритм — теперь оно текло медленно, вязко, словно мёд.

Лира резко подняла голову:

— Мы не одни.

На границе видимости мелькнули силуэты — не звёзды и не кометы. Это были корабли. Чужие. Их контуры казались неправильными, будто они двигались не сквозь пространство, а сквозь его швы.

Механик выругался сквозь зубы:

— Охотники. Те, кто хочет украсть формулу. Они знают, что здесь скорость становится хрупкой. Им не нужно догонять — им нужно поймать момент, когда ты потеряешь равновесие.

Кэл сжал кулаки. Он понимал: если они попытаются ускориться, чтобы уйти, пространство может их сломать. Но если будут медлить — враги возьмут их, как птиц в клетку.

Лира повернулась к нему, в её глазах читалась решимость:

— Мы не пойдём быстрее. Мы пойдём вместе. Пусть они думают, что мы слабы. Пусть видят одну ракету, одинокую и медленную. А потом... потом мы покажем им, что такое настоящая скорость.

Механик криво усмехнулся:

— Скорость — это не про двигатели. Это про то, когда десять сердец начинают биться в унисон.

Корабль снова дёрнулся, выравниваясь на невидимой нити дороги. Силуэты врагов приближались, но теперь Кэл смотрел на них без страха. Он знал: пока они держатся вместе, пока не теряют связь друг с другом, пространство не сможет их сломать.

И когда первые лучи чужих прожекторов коснулись борта, Кэл прошептал, будто бросая вызов самому космосу:

— Пусть попробуют украсть скорость у тех, кто летит не ради себя.

Дорога, которой не было на картах, приняла их. И теперь она вела не просто сквозь звёзды — она вела сквозь испытания, проверяя, достойны ли они стать единым светом.

Глава 4. Девять теней за спиной

Сначала это были просто точки — крошечные, едва заметные на фоне бескрайней тьмы. Кэл смотрел на экран навигатора и пытался убедить себя, что это метеоритный поток, редкий астероид, случайная искра далёкого взрыва. Но точки не рассеивались. Они не сгорали. Они держались вместе, будто знали, куда лететь.

Потом точки стали силуэтами. Девять тёмных кораблей, выстроившихся так ровно, что эта идеальность казалась неестественной — словно не машины летели, а сама тень приняла форму. Они не стреляли. Не посылали сигналов. Просто следовали, сохраняя дистанцию, будто ждали, когда герои сами раскроют свой секрет.

В рубке повисла тишина, в которой слышно было, как щёлкают реле и как тяжело дышит механик.

— Они не хотят нас сбить, — прошептал он, вцепившись пальцами в край панели. — Они ждут. Хотят увидеть, как мы используем формулу. Хотят понять, как десять ракет становятся единым светом. А потом — забрать это знание.

Лира не отрывала взгляда от траектории:

— Если мы ускоримся, они поймут, что мы что-то знаем. Если замедлимся — поймут, что боимся. В этом пространстве любое движение — это признание.

Кэл вспомнил слова, выжженные на осколке: «У десяти ракет в десять раз больше скорость». Но сейчас эта формула казалась не оружием, а ловушкой. Враги шли за ними, как охотники за зверем, который сам прокладывает себе путь в западню.

И вдруг Лира подняла голову, и в её глазах вспыхнуло что-то новое — не страх, а расчёт, холодный и точный, как звёздный луч.

— А что, если мы не будем ускоряться и не будем замедляться? Что, если мы просто... позволим им думать, что они нас видят?

Механик нахмурился:

— О чём ты?

— Мы не можем спрятать корабль. Но можем спрятать намерение. Пусть они видят одну ракету. Одинокую. Уязвимую. Пусть думают, что добыча у них в руках. А мы тем временем подготовим то, что они не увидят до самого последнего мгновения.

Кэл кивнул. Он понял. Это была не хитрость — это была проверка единства. Формула работала не потому, что умножала скорость, а потому, что связывала сердца. Десять ракет — десять решений, принятых как одно.

Он подошёл к внутренней связи и тихо произнёс:

— Всем экипажам: держать строй. Не отклоняться. Не ускоряться. Пусть тени думают, что мы одни. Но пусть каждый помнит: мы — не одна ракета. Мы — десять огней, готовых вспыхнуть одновременно.

На экранах девять силуэтов медленно приближались, их контуры становились всё чётче, и в этой чёткости была угроза, тяжёлая, как свинцовый плащ. Но теперь Кэл смотрел на них не как на врагов, а как на свидетелей. Свидетелей того, что сейчас родится нечто большее, чем скорость.

Тени шли за ними, будто хотели украсть саму возможность полёта. Но они не знали главного: нельзя украсть свет у тех, кто решил гореть вместе.

И когда первый чужой прожектор скользнул по борту, Кэл улыбнулся — не радостно, а твёрдо, как человек, который знает, что самое страшное уже позади. Впереди была схватка. Впереди были врата. И впереди был миг, когда десять ракет станут единым светом — и никакая тень не сможет его погасить.

Глава 5. Закон десяти

Старый навигатор сидел в полумраке рубки, и его пальцы, узловатые, будто сплетённые из звёздных путей, медленно водили по голограмме. Линии трепетали, как живые, и складывались не в карту, а в откровение.

— Ты думаешь, скорость — это про двигатели, — прохрипел он, не поднимая головы. — Ты думаешь, если десять ракет дадут полный ход, их скорости просто сложатся. Но космос не любит сложения. Он любит умножение.

Кэл замер, чувствуя, как по спине пробегает холод, похожий на сквозняк из приоткрытой двери в бесконечность.

— Одна ракета летит со своей скоростью, — продолжал навигатор, и каждое слово звучало как удар колокола. — Но десять ракет, летящих вместе, обретают скорость, умноженную на десять. Не сложенную — умноженную. Это не арифметика. Это закон пространства.

Лирика нахмурилась:

— Но как? Как десять огней могут стать чем-то большим, чем просто суммой?

Навигатор наконец поднял глаза — в них плескалась древняя усталость и такой же древний огонь.

— Потому что дело не в кораблях. Дело в тех, кто в них сидит. Формула не работает на железе. Она работает на единстве. На ритме сердец. Когда десять экипажей дышат в унисон, когда их решения совпадают до доли секунды, пространство сдаётся. Оно перестаёт быть преградой и становится дорогой.

Механик хмыкнул, но в этом звуке не было насмешки — только уважение к чему-то слишком большому, чтобы его понять сразу:

— Значит, формулу нельзя украсть. Потому что она не на бумаге. Она в нас.

Навигатор кивнул:

— Именно. Её нельзя вырвать из книги, нельзя скопировать, нельзя спрятать в сейф. Её можно только прожить. И именно поэтому охотники так опасны: они хотят украсть не корабли, не топливо, не чертежи. Они хотят украсть момент, когда десять сердец становятся одним.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.